

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи ¹⁾.

VII.

Арестованные.—Встрѣча съ старикомъ-латышемъ.—Крестьянскія усадьбы.— Народные учителя.—Школьникъ-атеистъ.— Положеніе батраковъ.— Языкъ латышей.— Ихъ поэзія.

Намъ часто приходилось посѣщать по разнымъ поводамъ (главнымъ образомъ для арестовъ) латышскія усадьбы, а въ имѣніяхъ помѣщенія батраковъ. Это давало возможность поближе ко всему присмотрѣться и вывести свои заключенія объ интересовавшихъ насъ латышахъ. Полицейскіе чиновники не скупились дѣлать аресты по указаніямъ урядниковъ и по доносамъ. Арестованныхъ приводили на мызу, запирали въ чуланы и почти не кормили. И только послѣ энергичнаго нашего протеста и угрозы освободить ихъ, имъ отвели лучшее помѣщеніе и стали давать сносную пищу.

Послѣ допроса арестованныхъ партіями отправляли въ Митаву, пока оттуда не пришло приказаніе присылать—только главныхъ, такъ какъ въ тюрьмахъ было уже тѣсно. Дѣйствительно, при первоначальной системѣ пришлось бы арестовать всѣхъ. Одинъ разъ, напр., былъ отосланъ въ Митаву батракъ только за то, что нагрубилъ вагару (эконому). Главарей же не удавалось захватить. Въ теченіе двухъ недѣль съ револьверами поймали только двухъ агитаторовъ, ходившихъ по усадьбамъ и „сгонявшихъ“ батраковъ съ работъ. Эти „важные“ революціонеры были совершенные юноши лѣтъ по 16. Когда везли ихъ подъ охраной драгунъ, изъ одной усадьбы навстрѣчу вышелъ глубокой старикъ съ длинными, растрепанными сѣдыми волосами

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1913 г.

и все время кричалъ „спасибо! спасибо!“ Онъ казался ненормальнымъ. Рѣдко кто изъ латышей говоритъ по-русски, особенно не въ городахъ. Слыша русское слово, мы спросили его, за что онъ благодарить. Но старикъ все только твердилъ одно „спасибо“! Полицейскій чиновникъ задалъ тотъ же вопросъ по-латышки. Старикъ съ видимой охотой вступилъ въ бесѣду. Оказалось, по-русски онъ зналъ именно только это „спасибо“. Благодарилъ же онъ, усадьбовладѣлецъ, солдатъ за арестъ социалистовъ, которые не задолго предъ тѣмъ являлись и къ нему „сгонять батраковъ съ работы“. Это былъ единственный замѣченный нами случай протеста латышей народному движенію.

Всѣ арестованные обыкновенно безпрекословно покорялись своей участи и, не видя нагайки и пр., держали себя спокойно. На всѣ вопросы отзывались полнымъ невѣдѣніемъ; кто-то имъ приказывалъ не работать, они не работали, приказывали идти въ лѣсъ, они шли.

Въ Курляндіи всего лишь десять и то небольшихъ деревень, по типу подходящихъ къ русскимъ. Все населеніе живетъ въ усадьбахъ (хуторъ). Онѣ представляютъ отдѣльныя формы въ 25—50—80 и даже сто десятинъ, обыкновенно лежащихъ вокругъ двора. Но конечно есть усадьбы и маленькія, напр., „солдатскія“, „бобыльскія“. Такой порядокъ расселенія ведется у латышей изстари—они не склонны къ общежительству. Эта разбросанность до крайности неудобна для полиціи въ смыслѣ наблюденія, что особенно давало себя чувствовать въ послѣднее время. Благодаря условнымъ знакамъ, вѣсть, напр., о приближеніи полиціи и войска быстро распространялась по окрестностямъ. Отсюда и неудачи въ изловленіи разныхъ Веллу-Ансысовъ.

Въ большинствѣ усадьбъ порядочный домъ съ чистенькой обстановкой. Не рѣдко можно встрѣтить рояль, порядочное число книгъ, преимущественно сельскохозяйственныхъ. Дѣти усадьбовладѣльцевъ учатся въ разныхъ училищахъ, въ гимназіяхъ, переполняя собою, главнымъ образомъ, низшіе классы, рѣдко оканчивая курсъ и еще рѣже переходя въ высшія учебныя заведенія. Латыши народъ способный, но это недоучиваніе, безпорядочное нахватываніе знаній не мало способствуетъ пороженію сумбура въ головахъ молодого поколѣнія со всѣми его послѣдствіями. Вотъ маленькая иллюстрація, приведенная въ одной мѣстной газетѣ.

Послѣ недѣльнаго отсутствія, изъ школы пріѣхалъ домой мальчикъ.— „Здравствуй, Анна!“ сказалъ онъ, обращаясь къ

матери, мывшей бѣлье.—„Анна?!“... поразила мать.—„Побойся Бога, что-ты!“—„Ха, ха!.. Бога!.. Какого Бога?—Бога нѣтъ!“ . Въ этотъ моментъ изъ комнаты вышелъ отецъ, слышавшій все.—„А, здравствуй, Янысь!“—привѣтствовалъ и его сынъ. „Дай 20 коп, заплатить извозчику!“—„Подика сюда!“, сказалъ отецъ. И скоро въ сосѣдней комнатѣ послышалась предварительная возня, а послѣ наносимые ремнемъ удары и крики молодого атеиста: „Ой-ой, папаша!“—„Да, у тебя, такой-сякой, есть отецъ!“ Удары продолжали сыпаться.—„Ой-ой! мама, заступись!“—„И мать у тебя есть!“ Удары участились... О, Господи, что вы дѣлаете со мной!“—„А, и Богъ есть...“

Народные учителя, питомцы учительскихъ семинарій, принимали дѣятельное участіе въ революціи. Это бы еще ничего, но они, будучи сами недоучками, развращали порученныхъ имъ малышей, порождая въ ихъ головахъ поистинѣ неописанный сумбуръ. Около Гольдингена мы видѣли такую картинку: Толпа дѣтей начальнаго училища, слѣд., 10—13-ти-лѣтняго возраста, расхаживала вокругъ училища, построившись по 4 человекъ въ рядъ. Впереди несли красные флаги—все малыши неистово горлачили пѣсни. Въ дверяхъ стоялъ учитель и съ радостной улыбкой на устахъ любовался плодами заложенныхъ имъ воспитательныхъ началъ. Минуть 20 мы взирали на это. Мальчики все пѣли разныя пѣсни. Спутникъ нашъ переводилъ намъ ихъ содержаніе. Боже, чего въ нихъ только не было!—Призывъ къ возстанію, убійствамъ, кощунство надъ пасторами, самой религіею и пр. и пр. Сумбуръ, сумбуръ!..

Латыши поголовно почти грамотны. Намъ пришлось присутствовать при допросѣ 399 крестьянъ. Изъ всего этого числа не могли подписать протокола 6 человекъ—2 слѣпыхъ, 2 глубокихъ старика и 2 среднихъ лѣтъ.

Непремѣнная почти принадлежность каждой усадьбы—газета, преимущественно „Peterburgas Awises“. Полиція, недовольная направленіемъ послѣдней, усердно уничтожала ея №№, несмотря на легальность. Не менѣе полиціи не любили всегда эту газету и нѣмцы, прозвали—„Петербургской бомбой-метеоромъ“ и добились прекращенія. Такая же участь постигла ее и въ послѣднее время. Дѣло редактора доходило до Сената, но окончилось, кажется, оправданіемъ.

У латышей есть своя быстро развивающаяся литература. Съ 1860-хъ годовъ въ ней произошелъ сильный подъемъ при стараніи младо-латышей и освобожденіе отъ подраженія нѣмецкой.

но стало замѣчаться сильное вліяніе русской. Въ 80-хъ годахъ она уже стремится освободиться отъ всего чужого.

Латыши чистый и опрятный народъ. Національный костюмъ, который намъ приходилось видѣть въ Либавѣ еще въ началѣ 90-хъ годовъ, теперь совершенно исчезъ. Особенно чисто одѣты женщины; чистыми онѣ умудряются оставаться и во время работы; а работаютъ онѣ въ шерстяныхъ перчаткахъ даже лѣтомъ—босыми никогда не ходятъ. Вообще латыши склонны къ культурѣ, къ извѣстному комфорту. Говорятъ, количествомъ потребляемаго мыла измѣряется прогрессъ народа—въ Курляндіи мыло въ большомъ ходу.

Число крестьянъ - собственниковъ, какъ упоминалось, по отношенію къ остальной массѣ населенія очень и очень невелико. Разница въ положеніи первыхъ, хотя и обремененныхъ многочисленными повинностями, и батраковъ громаднѣйшая. Положеніе послѣднихъ настолько принижено, что браки между батраками и усадьбовладѣльцемъ обычаемъ страны не допускаются.

Съ самаго ранняго дѣтства, лѣтъ съ 6, мальчуганъ пасетъ домашнюю птицу, послѣ свиней и коровъ. Со дня конфирмаціи онъ становится „полубатракомъ“, дѣлаетъ все, что и взрослые, но получаетъ только половину жалованія; съ 20 лѣтъ онъ уже настоящій батракъ и... остается имъ до полного истощенія силъ.

Живутъ батраки-холостяки у своего хозяина въ одномъ тѣсномъ, а потому и грязномъ помѣщеніи въ постоянныхъ мелкихъ ссорахъ между собою. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ приходилось видѣть очень хорошія помѣщенія; женатые живутъ въ отдѣльныхъ комнатахъ. Несмотря на тѣсноту и часто кучу дѣтей, онѣ содержатся чисто; постели опрятны, на окнахъ цвѣты, посуда вычищена на славу, по стѣнамъ картинки. Рѣдко гдѣ у лютеранъ попадаются духовнаго содержанія и библія, но книжки разныя и затасканныя №№ излюбленной газеты—часто. Батраки обыкновенно въ складчину выписываютъ себѣ газету.

У латышей-католиковъ наоборотъ всегда много образовъ на стѣнахъ, обязательно—распятіе и лежатъ молитвенникъ съ явными слѣдами постоянного употребленія. Что касается содержанія батраковъ, то оно хорошо. Въ этомъ отношеніи они обставлены куда лучше русскаго работника. Нѣмцы утверждаютъ: если батраки и мечтаютъ о собственной землѣ, то вовсе не вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія, а потому, что аппетитъ ихъ искусственно разжигается поученіями, что возможно получить ее даромъ. Благодаря лучшей обезпеченности,

батракъ пользуется многими благами культуры, недоступными пока русскому крестьянину. Онъ членъ какого-нибудь Общества (пѣвческаго и др.—въ Кроп. ихъ болѣе 2 т.), носить крахмальное бѣлье; если рачителенъ, то можетъ подняться степенью выше—арендовать участокъ (но какими трудностями обставлено это,—умалчиваютъ). Зажиточность народа, проведеннаго нѣмцами „правда, чрезъ суровую школу“, доказывается цифрами его сбереженія. Въ сберегательныхъ кассахъ края лежитъ свыше 9 мил. батрацкихъ вкладовъ, не говоря о вкладахъ въ многочисленныя здѣсь ссудо-сберег. товарищества. 2¹/₂ мил. населеніе Прибалтійскаго края держитъ въ Гос. сбер. кассахъ свыше 30 м. руб. Каждое сельское общество имѣетъ свой капиталъ. Въ одной Курляндіи на 220 обществъ—2¹/₂ мил. руб. Далѣе: у всѣхъ русскихъ крестьянъ есть земля, но нѣтъ хлѣба, въ Прибалтійскомъ краѣ у большинства нѣтъ земли, но всѣ имѣютъ хлѣбъ; Такъ разсуждаютъ нѣмцы, не считаясь съ латышской психологіею.

Заработная плата во всѣхъ имѣніяхъ болѣе-менѣе одинакова. Такъ, напр., въ Гофцумбергѣ батраки получаютъ по 42 руб. въ годъ деньгами и „депутатъ“ (ординарія—опредѣленное содержаніе натурою): 54 пуда ржи, 46 ячменя, 6 гороха, 1 возъ клевера, 2—сѣна, 2 яровой соломы, озимой сколько хочетъ (навозъ принадлежитъ имѣнію), въ неопредѣлимомъ количествѣ картофеля, 1 саж. дровъ, 2 саж. хворосту. Батракъ имѣетъ право держать и пасти 2 коровы, 4 овцы, 2 свиньи; получаетъ ¹/₃ ловштеля земли для картофеля и столько же для льна и немного для огорода. Переводя все это на деньги, выходитъ около 250 р. Получаютъ „депутатъ“ и женщины, но въ меньшихъ размѣрахъ. Холостымъ пищу варятъ женатые. Въ усадьбахъ, у латышей-землевладѣльцевъ батракъ получаетъ 120—130 р., батрачки 50—на хозяйскихъ „харчахъ“.

Казалось бы, на службѣ у помѣщика, ведя свое маленькое хозяйство, батракъ можетъ удовлетворять своей склонности, но... много есть этихъ „но“ въ жизни осужденнаго на вѣчное батрачество латыша. Плата хорошая, но за то и работа—чуть-ли не по 19 часовъ въ сутки. Пока есть сила въ рукахъ, батракъ работаетъ, ну, а послѣ? Держать его хозяинъ не будетъ, хотя съ раннихъ лѣтъ онъ и отдавалъ ему всѣ свои силы. Заработная плата хороша, но изъ нея не составишь особеннаго капитала.

Какая же участь ожидаетъ батрака въ старости или въ случаѣ потери работоспособности? Волость помѣщаетъ такого

въ богадѣльню (не вездѣ таковыя впрочемъ имѣются), или „съ аукціоннаго торга продаетъ его“. Мы лично не видѣли и даже не слышали объ этомъ на мѣстѣ, почему и приводимъ рассказъ объ этомъ съ чужихъ словъ. Этотъ актъ милосердія совершается слѣд. образомъ: въ назначенный для аукціона день въ волостномъ правленіи собирается толпа любопытныхъ и заинтересованныхъ. Старшина съ молоткомъ въ рукахъ выкрикиваетъ: „такой-то членъ волости... неспособный къ труду, продается съ аукціона на попеченіе желающихъ; плата, назначенная собраніемъ выборныхъ, 50 р., кто желаетъ“ (т. е. кто *меньше*)? Начинается торгъ. Назначившій самую низкую цѣну (25—30 р.) получаетъ въ свое полное владѣніе нищаго и сумму, назначенную съ торговъ на его содержаніе, на годичный срокъ. Черезъ годъ батракъ снова приводится въ волость и продается этому или другому благодѣтелю, согласившемуся взять его за меньшую плату.

Главная цѣль покупателя—кое-что нажить и использовать послѣдніе остатки рабочей силы купленнаго. Разумѣется, жизнь призрѣваемаго въ большинствѣ случаевъ ужасна: вмѣсто пищи онъ получаетъ отбросы, одѣтъ въ рубище и пр. Впрочемъ, не лучше живется и въ богадѣльнѣ. Послѣднія представляютъ собою отвратительные вертепы, гдѣ царятъ пьянство, развратъ и т. под.

Латыши рослый, крупный, хорошо сложенный народъ съ чистымъ бѣлымъ лицомъ; по большей части голубоглазые, съ прекрасными большими зубами. Красивыхъ женщинъ много. Такими мы видимъ латышей въ уѣздахъ Митавскомъ, Гольдингенскомъ, Газепотскомъ и Гробинскомъ.

Можетъ быть, наши описанія вообще не полны, въ общемъ не особенно точны. Поэтому спѣшимъ оговориться, что повѣствуемъ здѣсь только о томъ, что приходилось лично видѣть, наблюдать. Надо взять во вниманіе, что время для безпристрастныхъ наблюденій было совсѣмъ не подходящее—трудно разобратъ въ хаосѣ быстро смѣнявшихся обстоятельствъ и бушующихъ страстей.

Въ древнія времена на территоріи Прибалтійскаго края жили разныя чудскія и финскія племена. Многія изъ нихъ, оставивъ только названіе страны, напр. куры, исчезли безслѣдно. Латыши же литовскаго происхожденія. Часть этой народности, именно летты и семгалы, тѣсняемые съ юга, двинулись на сѣверъ и заняли теперешнюю Курляндскую губ. Они, будучи

народомъ не воинственнымъ и склоннымъ къ мирнымъ занятіямъ, много терпѣли отъ своихъ же соплеменниковъ, дикихъ литовцевъ и, съ востока, отъ свирѣпыхъ и коварныхъ эстовъ.

Лѣтописи говорятъ о латышахъ, какъ о народѣ кроткаго нрава, добродушномъ. Многіе свидѣтельствуютъ, что они, несмотря на то, что „прошли черезъ суровую школу“ нѣмцевъ, таковыми и остались. Вотъ именно такое впечатлѣніе о латышахъ вынесли и мы, хотя, вращаясь все время въ обществѣ имъ враждебномъ, потомковъ „рыцарей Божіихъ“, приходилось слышать о нихъ только очень дурное.

Если съ латышемъ-крестьяниномъ поговорить, что называется, по-человѣчески, не свысока и непренебрежительно, то съ хмураго лица его скоро сбѣгаетъ выраженіе недружелюбія, подозрительности, и оно дѣлается открытымъ, пріятнымъ.

Приходилось часто слышать о черной неблагодарности латышей. Одинъ предводитель дворянства въ разговорѣ съ нами, характеризуя ихъ таковыми, въ доказательство наивно приводя то обстоятельство, что на языкѣ латышей нѣтъ слова „благодарность“, какъ отвлеченнаго понятія. Но баронъ М., свободно говорящій по-латышски, не замѣтилъ, что этотъ языкъ вообще бѣденъ словами для выраженія многихъ отвлеченныхъ понятій. Если у латышей до XII в. и было отдѣльное слово „благодарность“, то оно при благосклонномъ стараніи прищельцевъ могло, такъ сказать, атрофироваться.

У того самаго барона, при участіи его же батраковъ, революціонеры сожгли прекрасный замокъ... Баронъ намъ говорилъ, что онъ „очень любитъ народъ“ и все дѣлаетъ „для своихъ батраковъ“. Въ обширномъ имѣніи своемъ онъ устроилъ „для народа“ дѣйствительно кое-что—содержитъ школу и пр., но и другіе владѣльцы большихъ имѣній дѣлали то же самое. Въ Гофцумбергѣ, напр., въ прекрасномъ двухъэтажномъ каменномъ зданіи имѣется школа, при которой круглый годъ *живетъ* свыше 150 дѣтей—и все на полномъ содержаніи гр. Палена. Интереснѣе всего, что баронъ М. въ числѣ своихъ благодѣтелей выставялъ и то, что онъ „своимъ“ батракамъ „позволяетъ“ по праздникамъ гулять въ паркѣ... Паркъ большой, ничего изъ себя особеннаго не представляющій, лежитъ вдали отъ замка, почему и гуляющіе въ немъ батраки мѣшаютъ никому не могутъ; баринъ къ тому же и не семейный. Къ мызѣ одной крупной землевладѣлицы прилегаютъ десятины

паркъ—входъ въ него батракамъ даже и по большимъ праздникамъ запрещенъ. Выходить, что баронъ М. сравнительно имѣеть право считать себя добрымъ. Сильно обвинялъ онъ также латышей въ недружелюбномъ отношеніи „къ другимъ“ національностямъ. Изъ нихъ конечно первые—нѣмцы; намекъ на другую мы поняли.

Но если въ латышскомъ языкѣ мало словъ для отвлеченныхъ понятій, за то онъ богатъ уменьшительными окончаніями. Не только имена существительныя имѣють ихъ, но и прилагательныя, глаголы и причастія (даже слово Богъ, какъ выраженіе идеи о всевышнемъ, имѣеть свое уменьшительное—Dersinsch). Эта особенность языка свидѣтельствуеть объ извѣстной мягкости характера народа. Доказательствомъ того же служить и склонность его къ лирической поэзіи. Рѣдко у какого народа можно встрѣтить такую любовь къ пѣнію.

Латышки справедливо считаются „хранительницами и вдохновительницами народной поэзіи“—въ памяти ихъ сохраняется неистощимый запасъ пѣсенъ. Знаменитый нѣмецкій писатель Гербергъ сказалъ такъ: „латышки имѣють непреодолимую склонность къ поэзіи, и мать моя была того мнѣнія, что латышскій языкъ самъ по себѣ уже поэзія“.

У латышей былъ свой эпосъ, свои герои. Но нѣмцы, говоритъ Маркель (1796—1850—нѣм. писатель и борецъ за освобожденіе латышей отъ крѣпостной зависимости) въ своей „Первобытное время въ Лифляндіи“, жестоко наказывали ихъ за пѣніе древнихъ эпическихъ пѣсенъ.

Къ сожалѣнію, намъ теперь не приходилось слышать пѣнія латышекъ-крестьянокъ. Онѣ, веселыя по своему нраву, вслѣдствіе грозныхъ событій, въ трепетъ за судьбу своихъ близкихъ, хранили угрюмое молчаніе. вмѣсто ихъ пѣнія страна оглашалась лишь трескотнею браунинговъ, солдатскихъ винтовокъ, зловѣщимъ шумомъ пожаровъ и стономъ караемыхъ.

Латыши большіе любители при каждомъ удобномъ случаѣ повеселиться, выпить, устроить торжество—безъ того у нихъ не обходится ни одна семейная радость. Корчмы, а ихъ не мало, по праздникамъ переполнены шумной веселой толпой. Но мрачнаго характера пьянство у нихъ не носитъ; валяющихся или скверно ругающихся почти не приходилось видѣть.

Нѣтъ сомнѣнія, что латыши носятъ въ себѣ и отрицательныя стороны. Какой народъ, впрочемъ, свободенъ отъ нихъ! Не мудро было бы и совсѣмъ испортиться, переживъ семь

долгихъ вѣковъ систематическаго угнетенія. Взявъ во вниманіе печальное время возстанія, когда латыши проявляли къ нѣмцамъ и къ намъ жестокость, мстительность и пр., мы, призванные съ ними бороться, тѣмъ не менѣе повторяемъ, вынесли о нихъ впечатлѣніе, какъ о народѣ хорошемъ, достойномъ лучшей участи.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

